

Полдень прошел за совместным обедом Вэнь Чаннина и Чжао Ланя.

Во второй половине дня вернулся Гу Чанъянь, принес с собой первую партию изготовленных духов. Войдя в комнату, он передал флакон Вэнь Чаннину.

— Как тебе? Посмотри.

Сейчас стояла зима, большинство цветов уже завяло, и эти духи были сделаны из лепестков сливы.

Аромат оказался густым и насыщенным — это было первое впечатление Вэнь Чаннина. Сам он в подобных вещах разбирался плохо: отец духами не пользовался, а когда требовалось для деловых встреч, выбор помогала делать мать, предпочитавшая легкие и изысканные запахи. Впрочем, то, что сейчас находилось у него в руках, духами в полном смысле слова назвать было трудно — в современные аналоги всегда добавляли массу химических компонентов.

— Очень ароматно. Надеюсь, они будут хорошо продаваться.

Вэнь Чаннин дал обнадеживающий ответ.

Однако большого успеха духи не имели: они были рассчитаны на узкий круг и стоили дорого. Учитывая принцип «редкое — значит ценное», зимнее время, дефицит цветов и только начавшееся дело, надежды Вэнь Чаннина на бурные продажи были маловероятны.

Чтобы соответствовать высокому статусу продукта, название сменили на «ароматную росу», что сразу подняло его в глазах публики. Новинка пришлась по душе женам и дочерям знатных чиновников — деньги для них не были проблемой, и сорить золотом они привыкли. Хотя массовых продаж не случилось, отсутствие конкурентов, монополия на рынке и наличие надежной опоры сделали свое дело: по пятьдесят ляней серебра за флакон — прибыль с каждой проданной бутылочки была пугающе высокой.

К этому моменту ароматная роса уже начала пользоваться успехом в кругах знатных дам Жэньду. Если не случится ничего непредвиденного, дела должны были пойти еще лучше.

В день, когда Гу Юэкоу вернулась в родительский дом после свадьбы, Вэнь Чаннин от нечего делать заглянул посмотреть на молодоженов. В главной гостиной сидели глава рода Гу, наложница Фу и двое детей фамилии Гу, ведя непринужденную беседу. Вэнь Чаннин услышал, как Гу Юэкоу назвала Гу Чанъяня младшим братом. Постояв у входа и бросив пару взглядов, он ушел.

После обеда Гу Чанъянь вернулся в павильон Тинчунь. А уже вечером неожиданно пригласил Вэнь Чаннина выпить. Вэнь Чаннин согласился: с одной стороны, приглашение исходило от Гу Чанъяня, с другой — ему самому было любопытно попробовать здешнее вино.

Они сели друг напротив друга. В комнате мерцало множество свечей, и хотя света было меньше, чем от современных ламп, в нем чувствовалось особое тепло. Оба уже успели умыться и переодеться в удобные просторные халаты: у одного волосы были распущены, у другого — коротко подстрижены. Ни один из них не осознавал своей необычайной красоты и природной непринужденности.

Жунчань подготовила вино, а затем отослала остальных слуг. Даже Чжао Лань ушел и не стал сопровождать господина. В комнате остались только двое.

Гу Чанъянь налил Вэнь Чаннину чарку и произнес:

— Попробуй, есть ли разница с тем вином, что пили в твоих родных краях?

Вэнь Чаннин принял чарку, поблагодарил и, опустив взгляд, посмотрел на прозрачную, пронзительно чистую жидкость. Он сделал глоток, распробовал и ответил:

— Наполняет рот ароматом.

Вино было приятным, но крепостью не отличалось — вряд ли больше двадцати градусов, примерно как то вино, что он пил на праздновании своего дня рождения до того, как перенесся в этот мир. На самом деле Вэнь Чаннин пил редко, можно сказать, почти никогда. До того самого дня рождения он притрагивался к вину лишь однажды, когда стал совершеннолетним.

До смерти родителей каждый его день рождения проходил в их компании. А тот, двадцать первый, стал первым без них, и от нахлынувшей печали он тогда приложился к бутылке. Его отец в молодости из-за работы и частых застолий испортил себе желудок, поэтому мать терпеть не могла алкоголь, и это передалось сыну. А когда в пятнадцать лет Вэнь Чаннин поступил в медицинский и понял, что будет держать в руках скальпель, он и вовсе решил завязать с выпивкой.

Но теперь... Вэнь Чаннин подумал, что раз уж он попал в этот мир, скальпель ему больше не нужен, да и пить или не пить — уже не так важно. За двадцать один год жизни он пил так редко, что мог пересчитать случаи по пальцам. Сейчас был третий раз.

Они болтали о пустяках, чаще просто молча потягивая вино. Ночь становилась глубже, комната наполнилась винным ароматом.

Гу Чанъянь, казалось, захмелел, его взгляд подернулся дымкой. Он тихо спросил:

— Чаннин, какие у тебя планы на будущее?

— Планы? — Вэнь Чаннин подпер подбородок рукой и, повернувшись к собеседнику, посмотрел на него. В глазах под густыми ресницами мерцали искры, а голос звучал легко: — Еще не

решил.

В своем мире он хотел стать врачом, спасти жизни, но так и не закончил обучение. Здесь же он не мог стать врачом: мало того, что пришлось бы переучиваться с западной медицины на восточную, так он еще и иероглифы династии Ци не все выучил. Все нужно начинать сначала. Да и хотел ли он быть врачом по зову сердца?

В детстве на уроке литературы учитель задал сочинение о будущей профессии, и Вэнь Чаннин написал, что хочет стать ученым. Когда отец прочитал это дома, он расхохотался и сказал, что сын весь в него: сам он в детстве мечтал стать космонавтом, так что это своего рода преемственность поколений. Хотя Вэнь Чаннин до сих пор не понимал, какая связь между космонавтикой, наукой и преемственностью. Конечно, по ребенку нельзя судить о его истинном призвании, но и сказать, что Вэнь Чаннин был без ума от медицины, было нельзя. Большинство людей не любят свою работу, но вынуждены зарабатывать на жизнь. К тому же, кажется, у большинства в генах заложено чувство ответственности.

Вэнь Чаннин не нуждался в деньгах — ни тогда, ни сейчас, ему не нужно было бороться за существование. Отбросив нужду, он начал воспринимать медицину скорее как долг. Да и жизнь длинна, нужно же чем-то заниматься.

— Буду действовать по обстоятельствам, — добавил Вэнь Чаннин. — Сначала выучу все иероглифы, научусь писать, а там видно будет.

Какие еще планы могли быть в его положении?

— А ты? — закончив, он внезапно захотел узнать о планах самого Гу Чанъяня и спросил напрямую: — Что планируешь ты?

Скрывать было нечего, и Гу Чанъянь ответил прямо:

— Учиться, сдать государственные экзамены, дойти до дворцового испытания, стать чиновником, а потом совершить великие дела.

М-да, будущее, которое просматривается насквозь. Но зато как реалистично. То, о чем говорил Гу Чанъянь, можно было назвать мечтой любого современного карьериста. Пропасть в тысячу лет, а мечты те же.

Вэнь Чаннин не удержался и прыснул со смеху. Вот уж воистину — «крысиные бега» сквозь века. Он снова нашел для себя странный повод для веселья.

Услышав смех, Гу Чанъянь перевел взгляд с периферии прямо на чистое, красивое лицо Вэнь Чаннина. Возможно, захмелел не только Гу Чанъянь, но и сам Вэнь Чаннин. За те несколько дней, что они провели вместе, Гу Чанъянь ни разу не видел, чтобы тот смеялся так легко и

открыто.

Повод был самым обычным, Гу Чанъянь даже не понял, что здесь смешного, но Вэнь Чаннин смеялся. Смех смолк, но уголки губ Вэнь Чаннина продолжали ползти вверх, словно этот смех был способом выплеснуть долго сдерживаемую горечь.

<http://bllate.org/book/18800/1827393>